

АРТУР МАТЕВОСЯН

ХРИСТИАНСКОЕ СОВЕРШЕНСТВО В СВЯТООТЕЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

Духовный и нравственный идеал христианства, на первый взгляд, содержит в себе внутреннее противоречие. С одной стороны, церковное учение настаивает на тварности человеческой природы, и в силу этого на её принципиальной онтологической ущербности. Хотя человек и является совершенным творением Божиим, образом и подобием Творца, однако Он несёт на себе несмываемую печать того небытия, из которого он был создан. Даже в раю, до своего грехопадения, человек был бесконечно менее совершенным существом, нежели Творец по той простой причине, что он был тварью. И тем не менее, нравственной квинтэссенцией Нагорной проповеди и категорическим императивом всей христианской этики является призыв: "Будьте совершенны, как совершен Отец Ваш небесный". (Мф.5,48) С ветхозаветной точки зрения подобное требование абсурдно, ибо человек, эта брэнная тварь, по определению не может стать столь же совершенным, сколь его Творец. Однако с евангельской точки зрения это вполне возможно в силу неслитного и нераздельного соединения божественной и человеческой природ в Личности Иисуса Христа, посредством Церкви благодатно даруемого каждому верующему. В церковных таинствах христианину даётся как бы зачаток духовного совершенства именуемого таюже обожением, полное раскрытие которого зависит уже от его собственных аскетических усилий, направленных на обретение личной святости. По словам ап. Павла: "Доколе все придём в единство веры и познания Сына Божия, в мужа совершенного, в меру полного возраста Христова". (Еф.4,13) Следовательно, человек становится "мужем совершенным" т.е. достигшим обожения благодаря обретению единства веры и познания Сына Божия, иначе говоря-такого познания, которое основано на вере в откровение Иисуса Христа. А поскольку "...вера без дел мертва". (Иак.2,20), то стремящийся к совершенству христианин должен строго соблюдать все евангельские заповеди, ибо "Не всякий, говорящий Мне "Господи, Господи!" войдет в Царст-

во Небесное, но исполняющий волю Отца Моего Небесного". (Мф.7,21) С чего же начинается путь, ведущий в это Царство? Откровение гласит, что первым шагом на пути, ведущим к блаженству и духовному совершенству, является покаяние. "...покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное". (Мф.4,17) Христианство есть новая, духовная жизнь во Христе, которая начинается тогда, когда человек решительно отвергает свою прежнюю, греховную и эгоистическую жизнь, и обращает свое сердце к Богу. Благодаря покаянию становится реальностью очищение от угнездившегося в сердце греха. Для стремящегося к обретению духовного совершенства подвижника этот первый шаг является непреложной необходимостью, ибо "Лукаво сердце человеческое более всего и крайне испорчено; кто узнает его?" (Иер.17,9) Лишь покаяние в силах очистить "я"-духовное средоточие нашей личности, на языке Библии именуемое сердцем.¹ Суть покаяния в самоотвержении, в отречении от себя, в забвении своей самости. Следует отказаться от всего, что в человеческой личности несовместимо с волей Божьей, и проистекает из эгоистического произвола и себялюбивого самоутверждения.

Смысл покаяния в том, что вследствие его Бог занимает Своё законное место в центре сознания, которое до того было узурпировано самостью. Целью покаяния является то состояние, о котором писал ап. Павел: "И уже не я живу, но живет во мне Христос". (Гал. 2,20) Основное, что должен делать подвижник для обретения покаяния-это всячески смирять себя, поскольку "...Бог гордым противиться, а смиренным даёт благодать". (1 Пет.5,5) Он должен осознать всю глубину своего духовного падения, свою познавательную немощь и нравственное убожество. Всем своим существом он осознает свое полное ничтожество перед лицом Всевышнего, который требует от подвижника одного-чтобы тот ощутил себя ничем, и тогда, по беспредельной милости Своей, он сделает его всем. Духовное восхождение должно начинаться именно с покаяния, а не с аскетических подвигов, имеющих целью очищение низшей, аффективной стороны человеческой психики. Было бы глубоким заблуждением рассматривать умерщвление плоти ради победы над страстями в качестве первого шага на пути, ведущем к обретению духовной мудрости, поскольку победа над страстями, достигнутая с помощью внешних усилий, без очищения внутреннего ядра нашей личности, никогда не бывает полной и окончательной. Никакие, даже самые суровые аскетические подвиги; никакой, даже самый искренний плач во время таинства Исповеди от сознания своей греховности не в силах избавить подвижника от постоянной подверженности страстям, если прежде он посредством покаяния раз навсегда не вырвал из своего сердца их первопричину-свою порожденную первородным

грехом эгоистическую волю.² Если же подвижник начинает свое духовное восхождение с покаяния, то он не только очищает от греха свое духовное сердце-эту сердцевину человеческой личности, но и создает, тем самым, необходимые предпосылки для полного и устойчивого очищения эмоциональной и интеллектуальной сферы своей психики. Таким образом, покаяние является непрменным условием для занятий аскетической практикой, без которого она не увенчается успехом. По словам преп. Максима Исповедника: "Плод покаяния есть бесстрашие души; бесстрашие же есть изглаждение греха".³ Естественным следствием покаяния становится перемещение сознания подвижника с периферической области психики в её центр, в святоотеческой Традиции именуемое сведением ума в сердце. Сознание со всеми его силами как бы собирается в сердце, и отныне пребывает в нем. По словам св. Феофана Затворника: "Около сознания в сердце должно собираться всеми силами-и умом, и волею, и чувством. Собрание ума в сердце есть внимание, собрание воли-бодренность, собрание чувства-трезвение. Внимание, бодренность, трезвение-три внутренних делания, коими совершается самособрание и действует внутрь-пребывание".⁴ Собранность сознания в сердце является одним из важнейших элементов духовного совершенства христианина. Ни о каком совершенстве не может быть и речи, если человек не в состоянии господствовать над своей низшей природой, если он является бессильным рабом и беспомощной игрушкой своих страстей и вожделений, симпатий и антипатий, и единственным средством к достижению этой цели является собранность. По-существу, собранность сознания можно определить как совершенное господство высшего "я" над низшим.

Духовная собранность, избавляя дух от рабства греху, приводит к его освобождению. Освобождение духа есть ни что иное как отделение его от тонкой оболочки-носительницы всевозможных аффектов, страстей и вожделений, и отказ от отождествления себя с ними. Оно становится возможным в силу того, что покаяние разрушает низшее "эго", которое является своего рода цепью, приковывающей истинное "я" к его тонкой оболочке. Ум сосредотачивается в сердце т.е. в "я" и приобретает способность взглянуть как бы со стороны на поток сознания, что дает ему возможность управлять этим потоком, и придавать ему желательные характеристики.⁵ "Я" играет в этом процессе решающую роль, поскольку именно оно лежит в основе всех процессов, происходящих в интеллектуальной и аффективной сфере психики. Они зарождаются именно в сердце, и поэтому тот, кто хочет очистить свои мысли и чувства, должен исходить из духовного сердца, которое есть средоточие человеческого существа. Это освобождение духа происходит поэтапно. Первым ша-

гом является разотождествление "я" с физическим телом. Благодаря бодренности подвижник избавляется от фундаментальной иллюзии, довлеющей над подавляющим большинством людей, заключающейся в идентификации личности с её самой внешней и наиболее грубой оболочкой. Его "я" перестает быть рабом этой оболочки и происходящих в ней процессов и начинает контролировать их. У подвижника по отношению к ним вырабатывается индифферентное, равнодушное отношение. Для него уже не имеют значения качество и количество пищи, интенсивность половой жизни или продолжительность сна. Все это становится ему вполне безразлично, поскольку его самосознание отныне пребывает во внутреннем святилище духа, а все, что относится к деятельности физической оболочки, более не представляет для него сколько-нибудь значительного интереса. Более того, все, что связано с деятельностью его физического тела, он перестает воспринимать как неотъемлемую принадлежность своей личности. Все физиологические процессы становятся для него, в определенном смысле, столь же внешними, как и физические процессы в окружающей природе. Наиболее же значительным следствием разотождествления "я" с физической оболочкой является преодоление страха смерти. Человек, осознавший, что по отношению к его "я" физическое тело есть нечто внешнее, перестает испытывать ужас перед его грядущей неизбежной смертью. Страх смерти, как ничто другое, приковывает душу к материальному миру, мешая её восхождению в духовные миры. Наряду с освобождением "я" от связи с физическим телом необходимо его разотождествление посредством трезвения с одушевляющей это тело жизненной силой человека, именуемой в Библии "душой живой" (Ср. Быт.2,7) "Душа живая" насквозь пронизана эгоистическими импульсами и побуждениями, она является носителем эмоций и желаний, симпатий и антипатий, живущих в человеческой душе. Низшее "эго" наиболее сильно именно в сфере эмоций и желаний, слепо и безудержно стремящихся к своему удовлетворению. Как правило, обычный человек называет своей душой именно эту хаотическую сферу, хотя к истинному "я" она имеет весьма косвенное отношение. Отождествление "я" с этими низшими слоями психики вовлекает его в сферу иррациональных, себялюбивых аффектов и страстей, нарушая столь необходимый для духовного совершенствования внутренний покой. Оно делает невозможным нравственный катарсис, который возможен лишь посредством сознательных т.е. исходящих от "я" усилий. "Я" может оказывать воздействие на "душу живую" только в том случае, если оно не отождествлено с ней. Трезвение как бы противопоставляет высшее "я" низшему, что делает возможным очищение последнего. Благодаря трезвению подвижник перестает чувствовать,

что это именно он радуется и печалится, наслаждается и страдает, любит и ненавидит. Все это отныне происходит не с ним, а перед ним. Он более не вовлечен в свои страсти, наблюдая их как бы со стороны. И наконец, необходимо разотождествление "я" посредством внимания со сферой мышления. "Я" по своей природе есть нечто совсем иное, чем окружающая его ментальная сфера. Мыслительная активность, особенно если мышление носит материалистический характер, способно нарушать внутренний покой души в ничуть не меньшей степени, нежели плотские похоти и душевные страсти. Внимание позволяет подвижнику занять по отношению к своему мышлению позицию стороннего наблюдателя, и тогда перед его внутренним взором будут проплывать вереницы мыслей как нечто внешнее, и по природе своей совершенно отличное от его "я".⁶ Порожденная покаянием собранность сознания приводит к весьма существенным духовным последствиям. Прежде всего восстанавливается изначальный статус человеческого "я", какой оно имело до грехопадения. Оно превращается из активного субъекта психических процессов в их незаинтересованного свидетеля, становясь спокойным и невозмутимым созерцателем жизни, стоящим выше чисто личных желаний и интересов. Во всех жизненных процессах истинно покаявшийся подвижник участвует лишь внешне, тогда как его освобожденное "я" остается бездействующим и безучастным наблюдателем происходящего. Таким образом, наш внутренний субъект отделяется от мира объектов, как физических, так и психических, уподобляясь в этом отношении Адаму, каким тот был до грехопадения. Вследствие этого он вновь обретает способность к сверхчувственному созерцанию, которой обладал в раю Адам. Но что открывается перед этим внутренним зрением в первую очередь? Для ответа на этот вопрос следует рассмотреть тот уровень духовного развития, которого достиг подвижник, взойдя на первую ступень христианского совершенства. Благодаря покаянию его "я" очищено от первородного греха, а сознание, собранное в сердце, освободилось от уз материального мира.

Это огромный шаг вперед на пути духовного совершенствования, однако совершенным на этой ступени является лишь духовное ядро человеческой личности, её самосознающий центр. Низшие же силы и способности души остаются столь же поврежденными грехом и несовершенными, что и прежде. Правда, очищение "я" не могло не оказать благотворного воздействия на эти силы, в определенной степени умерив их необузданную страстность, однако этот положительный результат весьма неустойчив, поскольку их кажущееся спокойствие в любой момент может быть нарушено. Это может произойти как из-за демонических воздействий извне, так и вследст-

вие колоссальной инерции греховности, сохраняющейся в низших частях психики, несмотря на очищение её центрального ядра. Поэтому первое, что видит подвижник, приобретший способность созерцать со стороны свои низшие психические процессы, есть его собственная обезображенная грехом душа. Именно непосредственное сверхчувственное созерцание своей изуродованной грехом души имел в виду псалмопевец, говоря: "Ибо беззакония мои я сознаю, и грех мой всегда предо мною". (Пс. 50,5) Несомненно, именно встречей со своей собственной душой были продиктованы следующие строки великого армянского поэта-мистика Григора Нарекаци: "Возри, о Господи, с милосердием на горький и скорбный образ Моих многоопасных, беспокойных страстей, Кои я развернул пред Тобою".⁷ Встреча со своей погрязшей во грехах душой является первым реальным сверхчувственным опытом, переживаемым подвижником на пути духовного восхождения. Её значение трудно переоценить, поскольку только после этой встречи можно говорить о наличии у человека реального познания самого себя. Без нее человек не знает себя. То, что он принимает за знание о самом себе, есть не более чем совокупность всевозможных иллюзий, чаще всего не имеющих отношения к реальному духовному и нравственному облику его личности. Только увидев свою душу во всём её отталкивающем безобразии, подвижник начинает осознавать всю меру своего нравственного падения. Поэтому не надо удивляться и принимать за проявления психического мазохизма кажущиеся чрезмерными обвинения самих себя в греховности и порочности, которые столь характерны для христианских аскетов. Это вовсе не душевная аномалия, а просто констатация факта, установленного посредством объективного и точного наблюдения. Подобное обостренное чувство собственной греховности людям, чуждым аскетической практики, кажется преувеличенным только в силу отсутствия у них подлинного самопознания.

Эта непреодоленная пока греховность души является серьезным препятствием на пути, ведущем к обретению духовного совершенства. Подвижник понимает, что неся в себе эту душевную грязь, он не может вступить в мир духа, поскольку в нем может пребывать лишь то, что по своей природе чисто и непорочно, и следовательно однородно с ним. Духовный мир отторгает пораженную грехом душу в силу её инородности, подобно тому, как организм отторгает проникший в него чужеродный белок. Подвижник видит, что несмотря на то, что духовное ядро его личности уже очищено от греха, низшие слои его психики продолжают оставаться чрезвычайно мутными и темными. Более того, грех настолько въелся в тонкую оболочку его души, что стал как бы неотъемлемой принадлежностью её

природы. Подвижник понимает, что грех не просто пребывает в нем, но и, в определенном смысле, стал им самим. Однако, к счастью для подвижника, положение его не безнадежно, поскольку его "я" освобождено из под власти греха, что делает возможными сознательные аскетические усилия, направленные на очищение телесной природы человека, как грубой, так и тонкой. Эти усилия относятся уже к следующей ступени христианского совершенства.⁸ Как справедливо замечает С.М.Зарин: "...обращением" человека ко Христу дело религиозно-нравственного преобразования его только еще началось; оно должно непрерывно продолжаться и постепенно раскрываться в дальнейшей жизни христианина с тем, чтобы обнять всю его природу. Этот процесс постепенного уничтожения греха, непрерывного вытеснения его из природы человека путем приспособления всех сил христианина к служению новому принципу жизни, процесс полной и всесторонней реализации его называется "освящением".⁹ Покаяние привело к очищению сердца от греха, чем было положено начало новой, благодатной жизни во Христе. Божественная жизнь затеплилась в "я", однако её свет загорелся лишь в духовном средоточии души, а все остальные, низшие её слои пока остаются затемнёнными грехом, и посему-непроницаемыми для духовного света. Суть освящения заключается в том, чтобы просветлить, сделать прозрачными внешние слои психики, что должно способствовать обретению подвижником внутреннего покоя и бесстрастия, изначально присущих человеческой душе до грехопадения. Это необходимо сделать для того, чтобы душа приобрела способность сверхчувственного восприятия, без наличия которой невозможно мистическое познание, а следовательно-и духовное совершенство.¹⁰ Вслед за этим следует очистить и физическое тело, ибо "...тела ваши суть храм живущего в вас Святого Духа, Которого имеете вы от Бога, и вы не свои?" (1Кор.6,19) Средствами к достижению этой цели служат различные аскетические упражнения, хорошо известные в святоотеческой Традиции. По словам преп. Исаака Сирина: "Вот дела правды: пост, милостыня, бдения, святыня и все прочее, совершаемое телесно; любовь к ближнему, смиренномудрие сердца, прощение проступков, помышление о благих, исследование таинств, сокровенных в святых Писаниях, размышления ума о делах совершеннейших, как хранить пределы душевных движений, и прочие добродетели, совершаемые в душе".¹¹ Освящение души следует начинать с очищения мышления, поскольку его загрязненность оказывает весьма негативное влияние на состояние душевной жизни в целом. Лучшим средством для достижения этой цели является систематическое чтение и изучение Св. Писания, ибо мышление очищается истиною, а как говорил Сам Спаситель: "Освятите их истиною Твоею: Слово

Твое есть истина". (Ин. 17,17)¹² Именно пребывание в слове Божьем является залогом познания истины (См. Ин. 8,31-32). По словам преп. Исаака Сирина: "Читай Евангелие, завещанное Богом к познанию целой вселенной, чтобы приобрести тебе напутие от силы Промысла Его о всяком роде, и чтобы ум тв ой погрузился в чудеса Божии".¹³ Очищение мышления посредством чтения Св. Писания совершается постепенно. На первом этапе оно предотвращает загрязнение мысли, происходящее из-за вмешательства в процесс мышления низших желаний и страстей. Эти страсти и вожделения, вторгаясь в мыслительную сферу, окрашивают её собою, что приводит к хаотичности и беспорядочности мышления. Мысли начинают "бегать", перескакивать с одного предмета на другой, что приводит к деформации процесса мышления, для правильного формирования которого необходимы последовательность и упорядоченность суждений и умозаключений. Систематическое и сосредоточенное чтение Св. Писания, сопровождаемое напряженным вниманием в духовный смысл Слова Божия, отвлекает сознания от всякого рода внешних впечатлений, которые столь часто пробуждают дремлющие в душе страсти. На второй стадии чтение Св. Писания не только отвлекает сознание от негативных внешних впечатлений, но и избавляет мышление от прагматической установки, присущей большинству людей.

Прагматическое мышление не интересуется истиной как она есть в себе и для себя. Оно стремится к познанию лишь в той мере, в какой оно необходимо для успешной деятельности. Такое мышление всегда ситуативно, и его принципы меняются в зависимости от изменений внешней ситуации, ставящих перед человеком все новые и новые практические задачи. Такое мышление, очевидным образом, не годится для осмысления религиозных истин, поскольку последние относятся к сфере вечности, тогда как прагматическое мышление никогда не выходит за пределы физического мира, в котором господствует время. Чтение Св. Писания приучает это мышление делать своим предметом вневременные, метафизические истины, не имеющие отношения к физического миру и материальным интересам. Благодаря этому мышление подвижника отворачивается от внешнего, чувственно-воспринимаемого мира а, осмыслением которого оно занимается большую часть времени; и обращается к бездонному океану божественного Откровения, превращаясь из средства достижения жизненного успеха в мощное орудие бого-и духопознания.

И наконец, на третьей стадии Св. Писание становится для мышления зримым символом вечной трансцендентной мудрости и непреходящей истины. Интеллект уже не просто стремится осмыслить эту истину, он живет в ней и озаряется исходящим от неё ду-

ховным светом, следствием чего становится полное очищение мышления. По словам преп. Никиты Стифата, чтение Св. Писания для духовного человека является: "...елеем Божественного Духа, умащающим их душу, укрощающим и смиряющим её преизбытком Божественных озарений и всю её восторгающим превыше тела, так что и она, хвалясь, вопиет: умастил еси елеем главу мою...и милость твоя поженет мя вся дни живота моего." (Пс. 22, 5-6)¹⁴ Следующим шагом является освящение эмоциональной сферы. Это, быть может, важнейший этап в процессе очищения телесной природы человека, поскольку она является наиболее загрязненной у большинства людей. Согласно святоотеческому учению, существуют 8 основных страстей-чревоугодие, блуд, сребролюбие, гнев, печаль, уныние, тщеславие, гордость. В святоотеческой Традиции содержатся рекомендации, способствующие борьбе со страстью чревоугодия. Из них наиболее действенными считались размышления о том, каков конечный продукт пищеварения.

Это должно привести к возникновению отвращения к чрезмерному и избыточному приему пищи, независимо от её качества и вкусовых достоинств. Какое-либо гурманство недопустимо, поскольку пристрастие к одним видам пищи и отвращение к другим нередко приводит к развитию чревоугодия. Подвижник должен понемногу вкушать всякую пищу независимо от того-нравится она ему или нет. В то же время не следует впадать в крайности, и во имя ложно понятого аскетизма принимать пищу, противопоказанную по медицинским соображениям. Необходимо быть строго воздержанным в еде, не нарушая при этом меры, дабы не повредить здоровью.

Следует помнить, что мера эта сугубо индивидуальна, и зависит от особенностей и состояния того или иного организма. Люди, обладающие сильным телом и крепким здоровьем, должны налагать на себя большие пищевые ограничения, нежели те, кто немощны и нездоровы, поскольку в случае природной слабости чрезмерное воздержание приведет к физическому истощению, которое может стать серьезным препятствием для достижения духовного совершенства. В святоотеческой Традиции содержатся также рекомендации, способствующие борьбе со страстью блуда. Она требует постоянного контроля за своими впечатлениями и помыслами. При этом следует помнить, что неопытные подвижники нередко попадают в ловушку, фиксируя своё внимание на проникших в их душу блудных помыслах будто бы ради борьбы с ними, а на самом деле наслаждаясь ими и попадая в зависимость от них.

Преодолеть эти помыслы посредством сознательных волевых усилий могут лишь опытные аскеты, тогда как новоначальным лучше не задерживать на них своего внимания. Если помыслам все же уда-

лось проникнуть в сознание подвижника, ему надо пробудить в себе страх Божий, и вспомнить, что Бог видит сокровенные глубины человеческого сердца и неизбежно покарает за этот ненавистный Ему грех. Одолеваемому блудными помыслами следует представить себе, что его во время прелюбодеяния видит Сам Бог. И если весьма постыдно быть в этот момент застигнутым людьми, то насколько же постыднее предаваться этому пороку пред очами Божьими? Целомудрие должно носить не только внешний, но и внутренний характер. Не может считаться целомудренным тот, кто избегая плотского блуда, в душе своей предаётся сладострастным помыслам, ибо "...всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем". (Мф.5,28) Основным средством для борьбы с духом блуда, как и со всеми остальными пороками, является молитва. Следует смиренно просить Бога о ниспослании благодатной помощи, без которой невозможно избавиться от плотской страсти.

Нужно по возможности избегать контактов с лицами противоположного пола, с которыми не состоишь в браке, поскольку половая жизнь христианина должна ограничиваться законным браком и вестись ради деторождения. "Источник твой да будет благословен; и утешайся женою юности твоей". (Притч 5,18) "Вот наследие от Господа: дети; награда от Него—плод чрева". (Пс. 126,3)

Следующей страстью является сребролюбие. Несовместимость этого порока с христианской этикой неоднократно подчеркивается в Св. Писании. Христос говорит: "Не собирайте себе сокровищ на земле (Мф. 6,19) Ему вторит ап. Павел "Ибо корень всех зол есть сребролюбие, которому предавшись, некоторые уклонились от веры и сами себя подвергли многим скорбям ". (1Тим.6,10) Корыстолюбец превращает приобретение средств к существованию, неизбежное на данном уровне развития цивилизации, в цель и в смысл своей жизни. Было бы заблуждением полагать, что стяжатели копят деньги для достижения материального комфорта, чувственных наслаждений или даже власти. Практика показывает, что страсть к неограниченному накоплению богатств сохраняется и тогда, когда все мыслимые и немыслимые материальные потребности этих людей удовлетворены в полной мере.

Более того, корыстолюбие нередко бывает сопряжено с патологической скупостью, когда обладающий огромным богатством человек отказывает себе в чем только может из-за нежелания тратить свои деньги. классический пример—бальзаковский Гобсек Это свидетельствует о том, что сребролюбие в своей основе есть иррациональная страсть, коренящаяся в извращении человеческой воли. Подлинной причиной этого тяжкого порока является ослабление самосоз-

нения, заключающееся в отождествлении "я" с материальными благами и их универсальным символом-деньгами.

Для борьбы с этим пороком подвижнику следует осознавать, что копя деньги якобы для обеспечения своего будущего, он тем самым обнаруживает своё неверие в спасительный промысел Божий, и пренебрегает словами Христа, сказавшего: "Итак не заботьтесь и не говорите: "что нам есть?" или: "что пить?" или: "во что одеться?"...Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам." (Мф.6, 31;33) Страсть сребролюбия может проявляться не только в склонности к накоплению денег, но и в стремлении к приобретению различных вещей, зачастую ненужных и лишних, вся ценность которых заключается в том, что они свидетельствуют о высоком социальном статусе данного человека. Забота о преумножении и сохранении собственности лишает человека душевного мира и покоя, а следовательно и всякой возможности обретения духовного совершенства, ибо "...удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие." (Мф. 19,24) Следующая страсть-гнев. Он является тяжким грехом, обесценивающим любые добрые дела. Этот порок всегда считался весьма опасным и пагубным для тех, кто избрал путь христианского подвижничества. Причиной подобного отношения к гневу является его несовместимость с такими основополагающими нравственными ценностями христианства как смирение и любовь к ближнему. Как правило, гнев возникает на почве ущемленной гордыни, что порождает жажду мести, доходящую до стремления, как минимум, унизить, а если возможно-и физически уничтожить обидчика. Гнев всегда влечет за собою ненависть, а жить во Христе с ненавистью в душе попросту невозможно. По словам преп. Максима Исповедника: "Когда ты оскорблен кем-нибудь или в чем унижен, берегись помыслов гнева, дабы они, по причине этого оскорбления, отлучив тебя от любви, не переселили в область ненависти".¹⁵ Гнев, как никакой другой порок, нарушает внутренний покой подвижника, являясь непреодолимым препятствием для совершения молитвенного подвига, так как приводит душу в хаотическое состояние, которое можно уподобить с поверхностью взбаламученного моря. Чтобы избавиться от гнева, следует, прежде всего, молиться за того, кто стал причиной нашего гнева, прося Бога помочь ему. Всеми средствами. следует благодетельствовать своему обидчику, творить ему добро и благословлять его. Для преодоление гнева необычайно важно развивать в себе чувство глубокого смирения, поскольку гнев, как правило, является следствием гипертрофированного самолюбия и самомнения. Следующими страстями являются печаль и уныние. Эти пороки органически связаны с предыдущими. Печаль обычно возникает тогда, ког-

да мирские желания и чувственные вожделения, присущие падшему сознанию, не могут быть удовлетворены, как это чаще всего и бывает в жизни. Неудовлетворенная похоть влечет за собой тоску, угнетенность, отчаяние и отвращение к жизни. Печаль порождает крайнюю расслабленность, можно сказать-паралич душевных сил, лишая аскета способности совершать свой духовный подвиг. По словам преп. Нила Синайского: "Опечаленный монах не подвигнет ум к созерцанию и никогда не восшлет чистой молитвы, ибо печаль всему доброму полагает препону".¹⁶ Если обстоятельства жизни складываются неблагоприятным образом, следует вспомнить, что всем в мире правит Промысл Божий, и что все выпадающие на нашу долю страдания являются закономерными последствиями наших же грехов. Бог никогда не карает человека, но лишь позволяет ему пожинать пагубные плоды его греховных деяний, дабы человек, осознав всю пагубность греха, покается и встал на путь истинный. Подвижник всегда должен помнить, что Бог любит человека, и никогда не желает ему зла. Поэтому искушаемый духом печали никогда не должен роптать. Напротив, ему следует воссылать благодарственные молитвы Господу, бесконечно терпеливому и снисходительному по отношению к погрязшим во грехах людям.

Посему печаль, порождаемая в душе демоническими воздействиями извне, следует изгонять из неё с помощью молитвы, чтения Св. Писания и прочих аскетических средств. Единственная печаль, полезная подвижнику-это печаль о своих грехах. Но и в этом случае нельзя забывать о том, что милосердие Божие безгранично, и нет такого греха (кроме хулы на Св. Духа), который не может быть прощен тому, кто кается искренне и от всего сердца.Еще большую опасность представляет уныние.

Эта страсть особенно часто поражает аскетов-людей, отрекшихся от мира и отказавшихся от всего, что скрашивает жизнь людей, живущих в миру. И если многолетнее подвижничество не приносит ожидаемых духовных плодов, в душу может закрасться мысль о напрасности принесенных жертв, и о своей загубленной жизни. Человека повергает в глубочайшее уныние ощущение отсутствия почвы под ногами, когда земной мир уже утрачен, а Царство Небесное еще не обретоно. Человеку начинает казаться, что он отвергнут Богом и забыт людьми, и что жизнь его прожита зря. В святоотеческой Традиции борьбе с духом уныния придавалось большое значение, поскольку порождаемое им отчаяние способно оказать парализующее воздействие на душевные силы подвижника, лишив его возможности совершать свой духовный подвиг. Для преодоления его рекомендуется, прежде всего, всегда помнить о беспредельной милости Отца Небесного, неизменно благоволящего ко всем своим

чадам, но особенно расположенного к подвижникам-людям, отказавшимся от мирских соблазнов ради любви к Нему. Необходимо верить, что аскетический подвиг рано или поздно будет щедро вознагражден, и подвижник в полной мере будет наделен дарами Св. Духа. Бог абсолютно справедлив, и всегда вознаграждает тех, кто всей душой стремятся к достижению совершенства. И если продолжительные духовные труды не увенчиваются успехом, то это свидетельствует не о несправедливости Бога, а лишь о недостаточности наших усилий в борьбе с грехом. Как только человек действительно бывает готов к восприятию благодатных даров Св. Духа, он незамедлительно получает их. Следующая страсть-тщеславие. Она более утонченна, нежели предыдущие, поскольку проявляется обычно у людей, уже достигших значительного уровня духовного развития, и сумевших укротить грубые похоти плоти. Тщеславные помыслы весьма опасны для подвижника, так как они, видимым образом не отражаясь на его поведении, которое внешне может казаться безупречным с точки зрения соблюдения христианских заповедей, внутренне перерождает его, превращая преданного последователя Христова в самодовольного фарисея. Оно тем более опасно в силу своей способности незаметно проникать в душу и извращать намерения и действия подвижника. Оно склоняет его совершать свой аскетический подвиг не из любви к Богу, а ради самоутверждения и человекоугодия. По словам преп. Максима Исповедника: "Тщеславие есть отступление от цели, которая по Богу, и переступление к другой цели, которая не по Богу. Ибо тщеславен тот, кто для своей, а не для Божией славы заботится о добродетели и трудами своими имеет в виду закупить лишь человеческих непостоянных похвал".¹⁷ Для борьбы с этой страстью следует всячески избегать похвал и лести со стороны других людей. Если кто-либо хвалит склонного ко тщеславию подвижника за его мнимое духовное преуспеяние, ему следует задать самому себе вопрос-а действительно ли ему присуща добродетель, которую он обладает по мнению окружающих? В ответ голос совести скажет ему, что добродетель его носит чисто внешний характер, тогда как внутри его души царит непроглядный мрак. Следует понимать, что известные слова Христа "Так и вы по наружности кажетесь людям праведными, а внутри исполнены лицемерия и беззакония" (Мф. 23, 28), обращены отнюдь не только к тогдашним фарисеям.

Если даже подвижник действительно достиг определенных успехов в деле духовного и нравственного совершенствования, то это не дает ему ни малейших оснований для тщеславия. Любая евангельская заповедь всеобъемлюща и чрезвычайно многогранна, так

что исполнение нами этих заповедей всегда является ущербным и несовершенным.

И наконец, последняя и наиболее пагубная из всех страстей — гордость. Сущность гордости заключается в отрицании онтологической иерархии как таковой, в нежелании признавать над собою власть Первопричины всего сущего и поклоняться ей. Гордец полагает, что своим существованием он никому не обязан, и ни от кого не зависит. Все же остальные признаки гордыни, как то-надменность, высокомерие, пренебрежение к окружающим, презрение ко всему и вся суть не более чем внешние проявления этой сущности. Для гордцеа наивысшей ценностью в мироздании, смыслом и целью существования является его "эго", славы и величия которого он страстно жаждет. Гордость всегда бывает сопряжена с крайней самоуверенностью, и горделивому кажется, что всех своих целей он вполне может достичь сам, без какой-либо помощи свыше. Для подвижника гордость является самой опасной из всех страстей, поскольку она исподволь меняет сам объект его поклонения. Место Бога в сознании возгордившегося аскета занимает его собственное "я". Он как бы повторяет грех Люцифера — хочет сам стать Богом, забывая о том, что "Мерзость пред Господом всякий надменный сердцем; можно поручиться, что он не останется ненаказанным". (Притч 16,5) Гордость делает невозможной обретение духовного ведения, без которого ни о каком совершенстве не может быть и речи. В святоотеческой Традиции гордость всегда признавалась опаснейшей страстью и тягчайшим грехом, и поэтому борьбе с нею придавалось первостепенное значение. Прежде всего подвижнику никогда не следует забывать о том, что никакое духовное преуспеяние невозможно без милости Божьей, и если мы обладаем определенными духовными силами, которых нету других людей, то они нам присущи не по природе нашей, а в сил у дарованной нам благодати Св. Духа. Хотя благодать и даруется только тем, кто посредством аскетического подвига до определенной степени очистил себя от греховной скверны, однако даже у величайших святых нравственный катарсис никогда не бывает совершенным, и поэтому ни о ком нельзя сказать, что благодать была ему дарована за личные заслуги. Чтобы преодолеть гордостные помыслы, необходимо не допускать и мысли о каком-либо своем духовном превосходстве. Нужно всячески смирать себя, не давая пищи своему самолюбию, причем не только внутренне, но и внешне. Очищение окружающих человеческое "я" оболочек завершается освящением физического тела. Основным средством для достижения этой цели является пост т.е. строгое воздержание от определенных видов пищи, и прежде всего от мяса. Классический пример строжайшего поста подал Сам Иисус Христос, после крещения

в Иордане в течение 40 дней постившийся в пустыне. Практически все подлинные инициатические практики, принадлежащие к различным традициям, настоятельно рекомендуют потенциальным adeptам по возможности ограничивать прием пищи. В полной мере это относится и к святоотеческой Традиции. Учение Церкви, в отличие от еретического гностицизма, всегда рассматривала человека как единое целое, не отрывая духовного аспекта его личности от телесного. Между душой и телом человека существует определенная взаимосвязь, и господствующее положение души не означает его полной независимости от тела. Неправильное питание может оказать отрицательное влияние на аскетическую практику. В частности, потребление мясной пищи подвижнику вообще противопоказано, поскольку мясо содержит в себе остатки тонких тел убитого животного, в которых продолжают сохраняться присущие ему страсти и вожделения. Поэтому мясоед всегда подвержен опасности осквернить свою тонкую душевную оболочку, как бы заразившись от животного его вожделениями. Отказ от поста может перечеркнуть все духовно-нравственные усилия подвижника, лишив его способности к сосредоточенной и самоуглубленной молитве, необходимой для достижения духовного совершенства. Говея, ни в коем случае не следует терять чувства меры, и доводить физическое тело до истощения, поскольку это, в свою очередь, может помешать достижению основной цели подвижничества. Степень строгости поста должна быть сугубо индивидуальной, учитывающей физические и психические особенности того или иного подвижника. По словам блаж. Диадокха: "Как множество яств обременено будучи, тело наше делает ум каким-то беспечным и неподвижным; так и будучи измождено чрезмерным воздержанием, соделывает созерцательную часть души унылою и несловолюбивою неохочю рассуждать. Подобаает убо образ питания телесного соразмерять с состоянием сил и крепостью тела: когда оно здорово-утеснять его сколько потребно, а когда немоществует-послаблять ему несколько. Подвизающемуся не следует расслабевать телом, но быть в силе, сколько требуется для подвига, чтобы, хотя телесными трудами, очищалась надлежаще и душа."¹⁸ Неоценимую роль в деле освящения физического тела играет таинство Евхаристии. Хлеб и вино, мистическим образом пресуществленные в плоть и кровь Христову, содержат в себе преображенную и одухотворенную материю, не подверженную смерти и тлению. Вкушая просфору, христианин причащается к этой нетленной субстанции, приобщая тем самым свое физическое тело к бессмертию. Разумеется, Евхаристия не избавляет тело от смерти, однако она закладывает в него семя вечной жизни, благодаря которому оно и будет воскрешено в конце времен. Если после говения регулярно и

достойным образом причащаться, это постепенно очистит и освятит физическое тело, сделав его сосудом, достойным и способным воспринять благодать Св. Духа. Очищение оболочек человеческого "я", приводит к весьма важным последствиям, а именно— к просветлению тонкой душевной оболочки, которая становится прозрачной и незамутненной. Это ведет подвижника к достижению следующей ступени христианского совершенства-просветлению. Общеизвестно, что любовь является сокровенной сутью и внутренним пафосом христианства. Не случайно Спаситель на вопрос о том, какая из ветхозаветных заповедей является самой важной, ответил: "Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим. Сия есть первая и наибольшая заповедь. Вторая же подобна ей: возлюби ближнего твоего как самого себя. На сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки." (Мф. 22, 37-40) Более того, любовь в христианстве имеет не только этическое, но и онтологическое измерение, "потому что Бог есть любовь." (1Ин. 4,7) Любовь (агаре) имеет самое непосредственное отношение и к обретению духовного совершенства во Христе, ибо она есть сама жизнь духовного сердца, или истинного "я". По своей сути она есть непреодолимое стремление сердца к обретению вечной жизни посредством внутреннего единения с незримо пребывающим в его сокровенных глубинах единым Богом, сказавшим о Себе: " Я есмь Сущий" (Исх.3,14) Христианство также понимает Бога как Сущего, однако прибавляет к этой ветхозаветной идее представление о трех Лицах единого Бога. Благодаря этому появилась возможность возводить врожденное человеческой душе стремление к любовному единению со своим Творцом к внутренней природе Самого Бога, содержание бытия Лиц Которого есть любовь. Любовь—это сама сокровенная жизнь триединого Бога, явившая себя людям во Христе. Именно этим и обуславливается абсолютная необходимость обретения любви для достижения духовного совершенства, поскольку лишь посредством любви можно приобщиться к вечной жизни в Боге-источнике всяческого совершенства. Каким же образом может быть обретена любовь к Богу? Не иначе, как посредством молитвы. По словам преп. Исаака Сирина: "Любовь есть плод молитвы."¹⁹ Об этой молитве св. Паисий Величковский говорит следующей: "Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя!" Если кто с желанием и непрестанно, как дыхание из ноздрей, творит молитву сию, вскоре вселится в него Св. Троица—Отец, Сын и Св. Дух и обитель в нем сотворит."²⁰ Эта молитва должна произноситься непрестанно, в любое время и при любых занятиях . Требование непрестанно молиться отнюдь не является нелепой выдумкой исихастов, поскольку оно было почерпнуто ими из Откровения. По словам ап. Павла: "Всякою

молитвою и прошением молитесь во всякое время духом, и старайтесь о сем самом со всяким постоянством и молением о всех святых." (Еф. 6,18) Но осуществимо ли это требование? Преп. Максим Исповедник отвечает на этот вопрос следующим образом: "Божественное Писание не повелевает ничего невозможного. Сам апостол, чрез которого изречено сие, и пел, и читал, и непрестанно молился. Непрестанно молиться-значит содержать ум прилепленным к Богу с великим благоговением и теплым желанием, висеть на уповании на Него и о Нем дерзать во всем,-в делах и приключениях."²¹ Совершенные молитвы Иисусовой сопряжено с целым рядом условий, необходимых для достижения успеха в молитвенной практике. Прежде всего молящемуся необходимо помнить, что обретение духовных даров, являющееся конечной целью этой молитвы, всецело зависит от милости Божьей. Сколь бы ни были велики достижения подвижника на аскетическом поприще, он никогда не должен забывать о том, что степень обретенной им чистоты явно недостаточна для того, чтобы он мог по праву рассчитывать на получение божественной благодати. Даже величайшие из святых признавали свою греховность и недостойность, и в этом нет ничего удивительного, ибо человек, как и любая тварь, нечист по сравнению с Богом-Духом Святым, благодать Которого он надеется обрести. Поэтому подвижнику ни в коем случае нельзя домогаться благодати, и следует уповать лишь на безмерное милосердие Всевышнего, всегда готового даровать Царство Небесное раскаявшемуся и смирившемуся грешнику. Занятие молитвой Иисусовой предполагает строгое воздержание в еде, забвение мирских забот и попечений, и, что особенно важно-прощение обид и примирение с врагами. Практикующему молитву Иисусову подвижнику необходимо с корнем вырвать из своего сердца все остатки гордыни и самонадеянности, которые могут стать непреодолимым препятствием для получения благодати, ибо в Откровении сказано: "А вот на кого Я призрю- на смиренного и сокрушенного духом и на трепещущего пред словом Моим". (Ис.66,2) "Призрит на молитву беспомощных и не презрит моления их". (Пс.101,18) Подвижника на этой стадии духовного совершенствования не должно покидать чувство своей глубочайшей греховности, ибо святость, пусть даже относительная, даруется человеку благодатью Св. Духа, которую он еще не стяжал. Это чувство весьма способствует развитию в душе смиренномудрия, которое есть самый надежный щит от нападений демонических сил, особенно яростно атакующих тех подвижников, которые интенсивно занимаются молитвенной практикой. Успех молитвенной практики во многом зависит от внимания, с которым произносится молитва Иисусова. Ум должен быть сосредоточен на словах молитвы, которые должны произноситься неспешно и отчет-

ливо. Простое произнесение этих слов ни в ком случае нельзя считать молитвой, если в этот процесс не вовлечено сердце т.е. "я". Иначе говоря, молитва Иисусова должна быть всецело осознанным действием ума. Молящемуся абсолютно необходимо терпение. Нередко для достижения успеха в молитвенном подвиге требуются долгие годы, поэтому подвижника не должно смущать длительное отсутствие ощутимого духовного прогресса. Молитва Иисусова, если она практикуется надлежащим образом, никогда не бывает бесплодной. В душе правильно молящегося постепенно происходят незаметные положительные перемены, которые со временем непременно приведут к самым значительным духовным достижениям. Молясь, следует всячески избегать игры воображения, дабы не принять созданные фантазией произвольные образы за реальный мистический опыт. Следует быть чрезвычайно осторожным, чтобы не спутать с божественной любовью низшие эмоции, нередко пробуждающиеся в душе молящегося вследствие недостатка смирения. Она, в отличие от низших чувств, никогда не нарушает сердечной тишины и душевного покоя. Многими поколениями христианских подвижников были разработаны практические приемы, способствующие достижению успеха в молитвенном подвиге.²² Истинная христианская молитва вообще, и в особенности молитва Иисусова должна возноситься из глубины сердца, и только в этом случае она бывает по-настоящему действенной. Однако молитва, как правило, сходит в сердце не сразу, а постепенно, проходя через определенные ступени. Всего можно выделить 3 стадии совершения Иисусовой молитвы-устную, мысленную и сердечную. На устной стадии молитва произносится вслух, сердце же в нее практически еще не вовлечено.

Однако и на этой стадии молитва Иисусова, если она произносится внимательно и с благоговением, может принести подвижнику значительную духовную пользу, поскольку она пробуждает и поддерживает в его душе память о Боге. Хотя эта память носит покамест сугубо внешний, поверхностный характер, не простирающийся глубже направленного на чувственно-воспринимаемый мир обычного сознания, тем не менее она весьма существенна. Подвижник не гарантирован от забвения Бога, тем более что весь уклад современной жизни, всецело проникнутой антихристианскими и вообще антидуховными импульсами, способствует отвлечению внимания от сферы духа, и его обращению на мирские и материальные ценности. Устная молитва Иисусова, содержащая священное Имя Божие, отвлекает наше внимание от плоти, мира и дьявола, и вновь приковывает его к Богу. На следующей стадии подвижник практикующий молитву Иисусову, произносит ее уже не вслух, а про себя. На этой ступени сердце в значительно большей степени вовлечено в молит-

ву, поскольку тонкая душевная оболочка, в которой совершается мысленная молитва, гораздо ближе к сердцу т.е. "я", нежели физическое тело, посредством которого совершается устная молитва. Мысленная молитва Иисусова, если она совершается с надлежащей сосредоточенностью и вниманием, изгоняет из сознания все мысли, не относящиеся к Богу, и укореняет в душе память о Боге. И наконец, на третьей стадии молитва Иисусова сходит в сердце, и сосредотачивается в нем. По словам преп. Никодима Святогорца: "Бывает, по благодати Божией, и одна сердечная молитва, и это есть духовная молитва, Духом Святым в сердце движимая; молящийся сознает ее, но не творит, а она сама творится. Такая молитва есть достояние совершенных."²³ Сознание уходит не только с физического, но и с психического плана, вследствие чего прекращается игра воображения и приостанавливается процесс мышления. Всякая психическая активность как бы затухает, и сознанием овладевают глубочайшая тишина и покой, именуемые в православной духовной Традиции исихией т.е. умным безмолвием. Сошедшая в сердце молитва, не возмущаемая более порывами страстей и мирскими помыслами, становится непрестанной, и постепенно возжигает в сердце подвижника истинную любовь к Богу, признаком наличия которой является исполнение заповедей Христовых. "А кто соблюдает слово Его, в том истинно любовь Божия совершилась: из сего узнаем, что мы в Нем." (1Ин.2,5) В этом состоянии подвижник впервые обретает реальный мистический опыт, который некоторыми авторитетными исихастами выделялся в особую стадию молитвы. По словам того же Никодима Святогорца: "Бывает еще молитва, которую именуют предстоянием пред Богом, когда молящийся, весь сосредоточившись внутрь сердца, мысленно созерцает Бога присущим себе и в себе."²⁴ Традиция утверждает, что на этой стадии Бог бывает созерцаем во Христе Иисусе.²⁵ Способность непосредственного духовного созерцания Бога порождается самим чувством любви к Нему, наполняющим всю душу подвижника, достигшего непрестанной умно-сердечной молитвы. Эта любовь души ко Христу по своей природе является в высшей степени интенсивным чувством преданности и обожания, направленным на едиnorodного Сына Божия.²⁶ Благодаря этой любви, Христос как высший предмет христианской веры, становится видимым для внутреннего зрения подвижника, достигающего благодаря этому духовного просветления. Подвижник созерцает Спасителя в своем сердце та ким, каким увидели Его апостолы на горе Фавор-преображенным и осиянным нетварными лучами небесной славы. По словам ап. Павла: "...Бог, повелевший из тьмы воссиять свету, дабы просветить нас познанием славы Божией в лице Иисуса Христа." (2Кор.4,6) Согласно святоотеческой Традиции, Фаворский свет-это

Сам Бог, но не в Сущности своей, а в нетварной энергии, и поэтому созерцание этого света приводит к обожению подвижника. При этом следует подчеркнуть, что Свет этот бывает созерцаем не только умом, но и всей целостной личностью подвижника, преображенной божественной благодатью. Примером подобного созерцания является мистический опыт апостолов во время Преображения Господня, когда они увидели исходящий от Христа свет телесными очами, благодаря милости Духа Святого. Божественная энергия, входя в сердце подвижника, проникает оттуда в его ум, душу и тело, обоживая их и соединяя подвижника с Богом, в чем и состоит христианское совершенство согласно святоотеческой Традиции.²⁷

ARTHUR MATEVOSYAN

THE CHRISTIAN PERFECTION IN PATRISTICAL TRADITION.

The idea of spiritual perfection is the essential part of the Christian Revelation. According to the doctrine of Church Fathers the perfection of Christian is the synonym of his union with God. This union may be attained by means of the long process, which consists of three stages-purification, illumination and deification. The first step that leads to the perfection is repentance. It purifies the heart of ascetic from the consequences of original sin and concentrates his mind in the heart. Then the ascetic should purify his soul from all passions and affections which disturb the mental peace. As a result, the soul of ascetic becomes pure and transparent. The next stage is illumination. The principal means at this stage is prayer. There are oral, mental and heart prayer. The essence of illumination is in the contemplation of divine Light which is the uncreated energy of Holy Trinity. The classical example of this contemplation is the mystical experience of Apostles on the Mount Tabor, when they became eye-witnesses of the Transfiguration of Christ. This Light is not contemplated by soul only, it penetrates into mind, heart and body of ascetic and deifies him. This deification is the last stage of process of spiritual perfection of Christian.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Это сердце не следует путать с физическим органом, ответственным за кровообращение.
2. Этим подчеркиванием важности покаяния традиционный путь христианского духовного познания принципиально отличается от различных оккультных методик, в которых покаянию не предаётся какого-либо существенного значения в деле духовного совершенствования личности.
3. Добротолюбие М. 1998 с.61.
4. Св. Феофан Затворник Путь ко спасению Б.г. с. 233.
5. Ум в святоотеческой Традиции является синонимом сознания. По справедливому замечанию Е.А. Торчинова: "Слово "ум" plus в исихастском контексте без ущерба может быть заменено словом сознание, причем

речь идет не о самом сознании, а о его феноменах и функциях, то есть содержаниях и состояниях" Е.А. Торчинов Религии мира. Опыт запрeдельного. Санкт-Петербург 1998 с.345.

6. Следует отметить, что для христианских подвижников мышление было производным процессом, исходящим из сердца и всецело зависящим от него, а не самостоятельной деятельностью сознания, порождающая понятия и оперирующая ими.
7. Григор Нарекаци Книга скорбных песнопений М. 1988 с. 87.
8. Христианская аскетика настаивает на необходимости суровых аскетических подвигов для очищения тонкой душевной оболочки. Данное требование обусловлено крайней степенью загрязненности этой оболочки у большинства современных людей. Что же касается предлагаемых ею практических методов, то многовековая практика христианских подвижников подтверждает их надежность и высокую эффективность.
9. Зарин С.М. Аскетизм по православно-христианскому учению М. 1996 с. 561.
10. Здесь следует обратить внимание на одно весьма важное обстоятельство. Строго говоря, сверхчувственное созерцание может быть достигнуто и без освящения тонкой душевной оболочки. Длительные и напряженные медитации, совершаемые без предварительного морального очищения, могут наделить человека способностью к сверхчувственному восприятию. Однако посредством этого восприятия созерцается не объективный духовный мир, в котором пребывают ангельские иерархии, а некоторая иллюзорная по своей природе сверхчувственная сфера, порожденная деятельностью отпавших от Бога духовных существ. В этом мнимом духовном мире нет возможности постижения истинно-сущего бытия, являющегося целью подлинного мистического гносиса, поскольку мир этот по самой своей природе есть сфера лжи, а не истины, в котором нет вечных сущностей, а есть лишь совокупность призрачных и эфемерных образов. Опасность этого мира для подвижника заключается в том, что его образы обла дают поразительной способностью к имитации высших духовных уровней бытия, и подвижник, впадший в заблуждение именуемое в православной традиции "прелестью", находясь в духовном плену, мнит себя достигшим высот мистического познания и духовного совершенства.
11. Исаак Сирия Слова подвижнические М. 1998 с.123.
12. Ныне многие люди, испытывающие интерес к духовной жизни и различным инициатическим практикам задаются вопросом—а продолжает ли Библия сохранять и в наше время свое значение в качестве основного источника духовного познания, какое она имела в Средние века? Этот вопрос вполне обоснован, и на него непременно должен быть дан ответ. В самом деле, быть может мистическая интуиция способна сама проникнуть в трансцендентные сферы бытия, делая излишней веру в божественное Откровение? Ответ на этот вопрос, несомненно, должен быть отрицательным. Хотя наличие у человека способности к непосредственному сверхчувственному восприятию не вызывает сомнений, так же как действительность различных инициатических практик, следует признать, что

путь посвящения в особенности нехристианского всегда был и остается достоянием крайне малочисленной духовной элиты, будучи явно недоступным для всех остальных.

13. Там же, с.283. Эти слова не утратили своей актуальности и в наше время. Библия- это не просто книга, содержащая древнюю историю еврейского народа, и даже не только Писание, повествующее об истории спасения рода человеческого. Библия, в особенности Новый завет содержит в себе описание принципиально нового пути духовного познания, открытого людям Самим Христом. Этот путь по сравнению с восточными инициатическими практиками имеет несомненное преимущество, поскольку нимало не уступая им в том, что касается глубины достигаемого посредством его мистического опыта, он доступен гораздо более широкому кругу лиц. Это стало возможным благодаря тому, что мистическое познание в христианстве является результатом не только индивидуальных дух овно-нравственных усилий, но и благодатной помощи свыше.
14. Добротолюбие М. 1998 с. 159.
15. Там же, с.218.
16. Там же, с. 250-251.
17. Там же, с. 99.
18. Там же. с.151.
19. Исаак Сирий Слова подвижнические М. 1998 с.183.
20. Крины сельные или цветы прекрасные Б.г. с.28.
21. Добротолюбие М.1998 с. 138. Следует подчеркнуть, что в святоотеческой Традиции занятия молитвой Иисусовой отнюдь не считались монашеской привилегией. Вот, например, мнение такого классика исихазма, как св. Григорий Палама: "Премное множество было таких. которые, живя в миру, всецело были преданы умной Иисусовой молитве." Добротолюбие М.1998 с.147. Как отмечает один из крупнейших православных богословов 20-го века Вл. Лосский: "Исключительно богатая восточная агиография наряду с житиями святых монахов приводит много примеров духовного совершенства, достигнутого в миру простыми мирянами, людьми, живущими в браке." Мистическое богословие Киев 1991 с. 105. Все это свидетельствует о том, что монашество никоим образом не является необходимым условием для обретения христианского совершенства.
22. Вот как описывает способ совершения молитвы Иисусовой преп. Григорий Синаит: "С утра, сидя на скамье вышиной 3/4 фута, принудь ум из места начальствования, или из головы, сойти в сердце и удержи его в нем. Поникнув же головой как бы от утомления, а в груди, плечах и шее от напряжения испытывая чувствительную боль, мысленно или душевно восклицай непрерывно: Господи Иисусе Христе, помилуй мя... Переведай ум на другую половину молитвы, говори: Сыне Божий, помилуй мя. Многократно прочитывая эту половину молитвы, ты не должен часто по лености перемещать ее на первую. И растения, пересажаемые часто, не укореняются. Далее, сдерживай дыхание легких, чтобы не дышать без необходимости, так как слышание вылетающих из сердца вздохов омрачает ум, рассеивает мысли и, изгоняя ум из сердца, предаёт его плену

- забвения или вместо того незаметно настраивает его на заботливость о другом, чего приобретать не следует." Григорий Синаит Творения М. 1999 с. 95-96.
23. Невидимая брань М. 1998 с. 288.
24. Там же.
25. По словам преп. Исихия: "Когда, возмогая о Христе Иисусе, начнем мы тещи в трезвении, твердо установившемся, тогда сперва является нам в уме как бы светильник какой, держимый нами рукою ума и руководящий нас на стези мысленные; потом как бы луна в полном свете, вращающаяся на тверди сердечной; наконец, как солнце-Иисус, подобно солнцу, сияющий правдою, т.е. показывающий Себя Самого и Свои всеветлые светлы созерцаний." Добротолюбие М. 1998 с. 330.
26. По словам преп. Исаака Сирина : "Любовь к Богу естественно горяча, когда нападет на кого-нибудь, без меры делает душу ту испуганную. Посему сердце ощутившего ее не может вместить ее и стерпеть, но по мере качества своего и нашедшей на него любви видится в ней изменение необычное. И вот каковы знамения ее чувственные : лицо делается огненным и радостным и тело согревается. Отступают стыд и страх, и бывает человек как бы испуганным; сила, собирающая ум, бежит от него и бывает он как бы изумлен." Добротолюбие М. 1998 с.39
27. По словам Никодима Святогорца: "...духовная жизнь и совершенство не состоят в одних тех видимых добродетелях, о которых мы сказали, узнай и то, что она не состоит и в другом чем, кроме как в сближении с Богом и в единении с Ним". Невидимая брань М.1998 с.22.